

Антипов А. Г., Аносова Ксения Михайловна

**АКТЫ НОМИНАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ В АСПЕКТЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНДИВИДА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ)**

В статье представлен анализ антропоцентрических факторов номинативной деривации в аспекте исследования психолингвистических форм создания и функционирования диалектного производного слова, отражающего в своей иконической структуре когнитивные модели языкового сознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 8-11. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Наличие сложных слов в лингвострановедческом тексте наделяет их особыми текстоформительскими функциями. Поскольку тип переведенного нами текста относится к публицистическому функционально-стилевому типу, то он рассчитан на определенное воздействие, на обработку общественного мнения. Тенденции номинализации в синтаксе, окказиональные словообразовательные конструкции, а также образность, присущая многим сложным словам, обладают большими прагматическими возможностями. Словообразование служит зачастую выразителем целой ситуации.

Список использованной литературы

1. **Абызова Э. Б.** Типология словообразовательной формы немецких существительных. - Казань, 1987. - 98 с.
2. **Адмони В. Г.** Пути развития грамматического строя в немецком языке. - Москва, 1966.
3. **Брандес М. П., Провоторов В. И.** Предпереводческий анализ текста: Учебное пособие. - М.: Тезаурус, 2001. - 224 с.
4. **Вашунин В. С.** Субстантивные сложные слова в современном немецком языке. - М.: Высшая школа, 1990. - 159 с.
5. **Прокопович С. С.** Адекватный перевод художественной прозы: возможен ли он? // Тетради переводчика / Под ред. д.ф.н., профессора Л. С. Бархударова. - Москва: «Международные отношения», 1978. - Вып. 15. - С. 75-81.
6. **«Vier Jahreszeiten im Regenwald»** // Geo. - 2005.

АКТЫ НОМИНАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ В АСПЕКТЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ)

Антипов А. Г., Аносова К. М.

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Катъшевым П. А. и к.ф.н., доц. Рыбниковой Е. Е.

В статье представлен анализ антропоцентрических факторов номинативной деривации в аспекте исследования психолингвистических форм создания и функционирования диалектного производного слова, отражающего в своей иконической структуре когнитивные модели языкового сознания.

В современной теории речевой деятельности изучение актов номинативной деривации опирается, с одной стороны, на системные концепции языкового знака и процессов его создания, а с другой, - на решение психологических проблем оперирования индивидом (обществом) знаковой системой языка: «это анализ не самих знаков или систем знаков in abstracto, а знаковой деятельности, т.е. таких специфических видов деятельности, которые предполагают употребление знаков (и невозможны без такого употребления)» [Леонтьев 1969: 44].

Акт номинации как один из таких «специфических видов деятельности» осмысливается как постигающий «специфически человеческую форму отражения действительности - социально-психологическую, или сознательную, форму отражения» [Леонтьев 1969: 45]. Как подчеркивает Е. С. Кубрякова, при психолингвистическом освещении процессов семиозиса «в фокусе постоянно находится связь между содержанием, мотивом и формой речевой деятельности, с одной стороны, и между структурой и элементами языка, использованными в речевом высказывании, с другой» [Кубрякова 1986: 16].

Психолингвистический аспект рассмотрения производного слова не только сконцентрирован вокруг анализа частных, субъективных, когнитивных и психологических факторов создания и функционирования деривата, но и конденсирует эти частности в более или менее общие стратегии и принципы номинативно-познавательной деятельности. Регулирующей системой факторов оказывается при этом сам речетворческий контекст акта номинации, или ситуация, включающая «все переживаемые индивидом чувственные, когнитивные и аффективные характеристики» [Сазонова 2000: 80], обуславливающие выбор из ряда признаков реалии один, кладущийся в основу номинации и эксплицированный в форме знака. Таким образом, процесс осмысливания объекта действительности, имеющий целью дать ему «название», характеризуется множеством факторов - ситуативных, психологических, когнитивных, обуславливающих создание производного слова и оформляющихся в нем.

Акты номинативной деривации в аспекте познавательной деятельности индивида представляют собой сложный комплекс ментальных операций, включающий чувственное освоение реалии («сначала человек рассматривает предмет как нечто совершенно незнакомое, новое, не-данное в привычном опыте, замечает то, что отличает этот предмет от всех других» [Антипов, Стрыгина 2001: 120]), ее осмысление, осознание потребности в наименовании данной реалии, выделение ее отличительных, дифференциальных свойств и признаков с последующим выбором одного, что позволяет подвести объект под некоторое понятие, и, наконец, создание производного языкового знака, представляющего «известной особенностью деятельности, отвлеченной от конкретных знаковых операций и атрибутированной соответствующему материальному объекту, т.е. закрепленной в знаковой форме, это - деятельность, опредмеченная в знаке» [Леонтьев 1965: 26]. Следовательно, создание языкового знака происходит именно тогда, «когда о предмете формируется какое-то первоначальное понятие, которое и отражается в слове. Предмет уже не является абсолютно новым, в нем уже выделен какой-то специфичный признак, какая-то характеризующая его черта, и по этой характерной черте

он и может получить название» [Антипов, Стрыгина 2001: 120-121]. Познавательная деятельность человека, направленная на объект с целью именованья, представляет собой его всестороннее осмысление, предполагающее выделение из комплекса полученных о предмете знаний признака, соотношенного с определенным понятием, который соотносится, в свою очередь, с языковой формой. Ср., например: *грызник* - 'растение, используемое в народной медицине для лечения грыжи' (тысячелистник); *резун* - 'растение с острыми листьями, о которые можно порезать руки' (вид осоки); *гороховник* - 'растение, внешним видом напоминающее горох' (желтая акация).

Особая - прототипическая - часть информации о реалии выбирается в качестве дифференциальной, выступающей «представителем предмета» [Колшанский 1975: 70], и в совокупности с той или иной эмоциональной оценкой, которую в области морфологической деривации нередко может отражать и функционирование форманта, оформляется в знаке. Остальная часть информации, в том числе и не попавшая в светлое поле сознания говорящего, не отсекается, а сворачивается в семантический импликационал деривата и может актуализоваться в той или иной коммуникативной ситуации. Ср. некоторые экспериментальные номинации: «Травянистое растение с листьями, напоминающими по форме копыто жеребенка, используемое в лекарственных целях. Растет в сырых местах; не цветет; стелется по земле. Применяется в лечебных целях как согревающее средство» - *копытник*; «Травянистое растение с сильным неприятным запахом. По народным представлениям его боятся клопы; иногда применяется как средство от клопов, употребляется как салат и пряность» - *клоповник*; «Травянистое ядовитое растение; цветки в колосовидных кистях; засоряет озимые посевы, особенно ржи. Коробочка с семенами после отцветания издает гремющий звук» - *денежник*.

При психолингвистическом изучении актов номинативной деривации необходимо учитывать и факторы творческой деятельности как такую «черту языка», которая «в значительной степени детерминирует принципы языковой номинации» [Языковая номинация 1977: 10]. Поскольку производное слово выступает изначально как результат частной познавательной деятельности одного человека, познающего и объясняющего в знаке тот или иной фрагмент действительности, запечатлевающего символически свои индивидуальные интенции, эмоции, создающего, по сути дела, «имя-текст», «слово-текст», «представляющий собой нечто дотоле неизвестное и, следовательно, новое» [Кубрякова 1987: 43], оно не может не отражать, помимо когнитивных, психологических особенностей, еще и творческие, лингвокреативные способности познающего субъекта, иллюстрируя собственное личное «участие в создании языка» [там же: 44]. Именно психологические и лингвокреативные особенности человека, неожиданность ассоциативных связей между реальным признаком предмета и понятием, а не степень продуктивности словообразовательной модели, используемой при создании производного слова, образуют функциональную систему факторов, регулирующих степень проявленного в акте номинации творчества: «чем распространеннее образцы для подражания и чем более продуктивны и регулярны серии форм, к которым они принадлежат, тем менее выражены в акте номинации ее новаторский характер» [Кубрякова 1987: 50]. Ср., например, «фантазийные» реакции наших экспериментов: 'ядовитое растение белена черная' - *беленка*; 'лекарственное растение «толокнянка аптечная», растущая в бору' - *боровник*; 'травянистое растение погромок обыкновенный, издающее гремющий звук после отцветания' - *денежник*; 'высокая съедобная трава, растущая по берегам озер' - *плавень*.

В ходе номинативно-познавательной деятельности, направленной на осознание образа мира и включающей его чувственное ментальное восприятие, индивид формирует определенную «структуру знания» или соотносит его с определенной «структурой знания», «устанавливает определенные фиксированные центры восприятия» [Языковая номинация 1977: 49-50] и прагматически оформляет в знаке свою рефлексю о предмете со всем комплексом психологических, когнитивных, эмоциональных нюансов, часть из которых оказывается вербализованной эксплицитно, другие - идиоматизированными. Ср.: «Вечнозеленое растение с белыми цветками и одурманивающим запахом; лекарственное. В народной медицине применяется в лечении от блох» - *блехомор*, *блехушка-пахучка*, *дурыман обыкновенный*, *дурманник блохастый*, *блехарик*, *блехомойка необычная*; «Травянистое ядовитое растение; цветки в колосовидных кистях; засоряет озимые посевы, особенно ржи. Коробочка с семенами после отцветания издает гремющий звук» - *погремушка*, *гремучка*, *погремушка мусорная*, *громыхало*, *поганка*, *погремок сорный*, *звуквик*.

Прагматика акта номинации заключается и в том, что предмет, явление, подлежащее наименованию, обладает комплексом признаков, качеств и свойств, а субъект номинации осмысляет его сквозь призму своих когнитивных и психологических особенностей, обладая «способностью выбирать определенные признаки предметов, что и определяет внутреннюю форму их наименований, с учетом, разумеется, того, что роль и «свобода» субъекта в этом процессе социально ограничены» [Языковая номинация 1977: 49]. Потому единственный признак, кладущийся в основу наименования, должен представлять собой «такой аспект объекта, который может затем представлять весь объект, т.е. репрезентировать целостность в системе, репрезентирующей весь мир, - языковой картины мира, внутреннего лексикона, памяти, - в акте наречения должны быть выбраны такие релевантные части (аспекты) объектов, которые характеризуют самые общие свойства их бытия во времени и пространстве» [Кубрякова 1997: 50]. Само же производное слово как целостный знак, имеющий свои границы, предстает не только в качестве «модели, обобщающей функциональные свойства данного предмета» [Леонтьев 1969: 47], являющейся достоянием всех говорящих на данном языке, но и отражает когнитивные психологические особенности творца номинативно-познавательной деятельности. Не случайно, в контексте проведенных нами экспериментов свою ментальную продуктивность обнаруживают и

морфонологические структуры, отвечающие за формальную репрезентацию приемов языковой категоризации.

Из основных результатов экспериментов по восприятию и осознанию морфонологической структуры производных лексем русских говоров следует, что словообразовательная форма слова соответствует в сознании индивида иконически порождаемой знаковой структуре, что позволяет наблюдать в актах речевого мышления различные типы мотивированности, свойственные русскому производному слову [Антипов 2001]. При этом степень ментальной активности единиц словообразовательной формы прямо пропорциональна их семиотическим функциям в общей иерархической структуре дериватов: каждый из уровней структуры производного слова прототипичен для языкового сознания, избирающего средства овнешнения своих репрезентаций.

Морфонологический уровень формальной структуры производного слова, наряду с фонетическим и деривационным, отсылая через ассоциативные связи компонентов словообразовательной формы к концептуальным сущностям, активен при выявлении модели порождаемого слова, которая становится прототипичной в процессе вербализации актов номинативной деятельности. Поэтому выбор иконической структуры знака, в котором участвует морфонология, предсказывающая через диаграммные отношения направления основных типов мотивированности производного слова (словообразовательной и лексической), позволяет моделировать процессы языковой категоризации. Именно в этом ракурсе раскрывается потенциал деривационного функционирования морфонологии как системного явления языка - сознания, от которого зависит степень мотивированности производной лексемы.

Ассоциативно-стратегический характер единиц морфонологии производного слова отражается прежде всего через осознание индивидом контактной зоны в структуре дериватов - сферы множественности формальной структуры основы производящего слова и/или словообразовательного форманта. Восприятие морфонологической структуры связано в этом случае с закреплением релевантного содержания за тем или иным вариантом создаваемой мотивационной полисемии деривата. Идентификационной опорой поэтому выступают, как правило, морфонологические маркеры фузии и деривационных процессов (чередование и/или субморф), определяющие ассоциативное значение вариантов морфонологической структуры. Функционирование таких ассоциативно нагруженных морфонологических компонентов словообразовательной формы способствует системной дифференциации вариантов морфемной членимости слова, связанных с категоризацией различий в сфере мотивирующей и формантной семантик производных лексем.

Отвечая за манифестацию деривационно активных компонентов внутренней формы слова, морфонологии отсылочной и формантной частей дериватов обусловлены особенностями функциональной стратификации семантики производного слова. Морфонологическое моделирование внутренней формы слова оказывается настроенным на сохранение дифференциальных признаков репрезентации звуковой формы источника деривации и усиление мотивационных функций форманта. Поэтому, если алломорфия мотивирующей основы отвечает за тождество категоризуемых мотивационно связанными лексемами признаков (функции структурной индексации, предсказывающей направление производности), морфонологическая вариативность форманта располагает большими семантическими возможностями, конкретизируя базисную семантику производных лексем и доводя этот процесс до перекатегоризации (функции семантической индексации, поляризирующей семантические сдвиги). Отсюда значимость фузионных закономерностей в строении основ мотивирующих слов и агглютинативных - в функционировании словообразовательных формантов. Их соотношение в структуре производного слова направлено на организацию мотивационного содержания морфонологически маркированных производных знаков:

1. Морфонологические сдвиги в формальной структуре производного слова служат репрезентации отношений непосредственной словообразовательной мотивации, что способствует мотивационной четкости реализуемых правил семантизации. Выбор непосредственного мотивирующего слова ограничен морфонологическими показателями основ мотивирующих слов и принципами морфонологической категоризации формантной семантики, снижающими действие факторов полимотивации на уровне схем формально-семантической выводимости производного слова.

2. Морфонологические явления характеризует мотивационно четкие дериватемы, связанные с продуктивными формами репрезентации структуры мотивирующих знаков и предсказуемым характером внутренних форм мотивированных. Возможные «перегрузки» семиотического кода направлены на семантические повторы значений мотивационных фрагментов отсылочной части и вариативность значений формантных компонентов, поэтому морфонологическая репрезентация предстает и как стратегия отождествления деривационных историй, и как поверхностный маркер мотивационного кода дериватемы, и как семиотическое направление ее категоризации.

Так, алломорфное варьирование суффикса в русских диалектных системах связано с усилением в структуре дериватов свойств семантической категоризации. Варианты форманта эксплицируют через субморфные наращения идиосемы семантической структуры дериватов, выступая в качестве средств семантической категоризации - отождествления классов референтов в границах (а) одной ономаσιологической категории (или субкатегории); ср.: *налив-ник* 'блин или оладья, намазанные сверху сметаной' - *налив-áй/ник* 'пирог из черной муки, политый сверху жидкой начинкой, - наливой' - *налив-áи/ник* 'ватрушка из пресного или кислого теста с жидкой начинкой - наливой'; (б) частично противопоставленных ономаσιологических категорий; ср.: *коров-ник* '1) тот, кто продает коров, 2) тот, кто скупает коров, 3) белый гриб, 4) подосиновик' -

коров-*ят/ник* '1) тот, кто продает коров, 2) шкура коровы'; *мош-ник* '1) тот, кто добывает и продает мох, 2) тетерев-глухарь, 3) птица из породы самых больших глухарей, 4) тетерев' - *ми-ър/ник* '1) утепленный мхом хлев, 2) болото'; (в) полностью противопоставленных ономаσιологических категорий; ср.: *мош-ник* в значениях имен лиц и натурфактов - *ми-ър/ник* '1) теплый хлев для скота, 2) хлев для овец, 3) кладовая для хранения овощей, зимовки пчел, 4) нежилая комната с утепленными мхом стенами, используемая как кладовая для хранения пищи'.

Отмеченная в экспериментах актуализация мотивационного содержания формантной части производного слова в аспекте ее морфонологического строения свидетельствует о том, что ментальное функционирование форманта представляет собой стратегию выбора ассоциативных опор, в соответствии с которой ориентация на форму грамматической категоризации (морфемную последовательность) имеет номинативное значение. В случае морфонологической вариантности форманта детерминированность идентификации слова-стимула осознанием функциональной семантики форманта, а через нее - и мотивационного содержания мотивирующего слова, приводит к усилению ассоциативных функций его формальной структуры в направлении восприятия ее постоянных и переменных компонентов, указывающих на наследуемые и приобретаемые свойства мотивированного знака. В результате постоянная фонемная последовательность, манифестирующая словообразовательный прототип форманта, его основной вариант, служит ассоциативной опорой грамматической категоризации, а переменная часть, маркер алломорфных отношений, определяет перспективы снижения категоризируемых семантических репрезентаций, приводя функционирование морфемных комплексов к вариативности внутренних форм слов-стимулов.

Функционирование морфонологической структуры слова отражает в подобных случаях саморазвитие системы, ведь именно благодаря семиотическим функциям алломорфии в границах словообразовательных типов определяются сферы номинации, имеющие свои морфонологические модели, на материале которых приходится только поражаться «той части картины мира вообще, которая опосредована языковыми знаками или даже - шире - знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его форм» [Кубрякова 1988: 144].

Список использованной литературы

1. Антипов, А. Г. Словообразование и фонология: Словообразовательная мотивированность звуковой формы [Текст] / А. Г. Антипов. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. - 288 с.
2. Антипов, А. Г., Стрыгина, О. В. Идиоматичность словообразовательной формы в структуре номинативной деятельности [Текст] / А. Г. Антипов, О. В. Стрыгина // Наука и образование: Тезисы докладов второй научно-практической конференции. - Белово, 2001. - С. 120-124.
3. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке [Текст] / Г. В. Колшанский. - М.: Наука, 1975. - 231 с.
4. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] / Е. С. Кубрякова. - М.: Наука, 1986. - 156 с.
5. Кубрякова, Е. С. Размышления об аналогии [Текст] / Е. С. Кубрякова // Сущность, развитие и функции языка. - М.: Наука, 1987. - С. 43-51.
6. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. - С. 141-172.
7. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е. С. Кубрякова. - М.: Наука, 1997.
8. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности [Текст] / А. А. Леонтьев. - М.: Наука, 1965. - 245 с.
9. Леонтьев, А. А. Язык. Речь. Речевая деятельность [Текст] / А. А. Леонтьев. - М.: Просвещение, 1969. - 214 с.
10. Сазонова, Т. Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход [Текст] / Т. Ю. Сазонова. - Тверь, 2000. - 134 с.
11. Языковая номинация. Общие вопросы [Текст]. - М.: «Наука», 1977. - 359 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «РИТОРИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ»

Артёмова Т. В., Катыхов П. А.
Кемеровский государственный университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Антиповым А. Г. и к.ф.н., доц. Ким Л. Г.

Статья посвящена рассмотрению понятия риторической стратегии как индивидуальной реализации коммуникативной стратегии. Регулирование процесса построения риторической стратегии связывается со способностью автора конструировать и воплощать образ адресата. Определение риторической стратегии основано на соотношении с категориями «коммуникативная стратегия», «речевая стратегия», «жанр», «речевой акт».

Развитие коммуникативно ориентированных дисциплин сделало магистральным и вместе с тем одним из наиболее обсуждаемых понятие стратегии. Стратегический подход, по определению В. И. Тюпы, связан с попыткой описать «исходные принципы деятельности, подлежащие выбору деятеля» [Тюпа: в печати]. Данный подход отражен в ряде работ, посвященных изучению различных стратегий: коммуникативных (Н. С. Болотнова, И. Н. Борисова, А. А. Дерябин, Е. Г. Желудкова, О. С. Иссерс, Е. В. Клюев, И. А. Иванчук, И. В. Кузнецов, Н. В. Максимова, А. П. Сковородников, В. П. Тюпа, В. Е. Чернявская, Х. Я. Ыйм, Т. Е. Янко, Т. Е.